

Валерий Золотаревский

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

История, которую хотелось бы рассказать, открылась мне просто-таки мистическим образом. Я возвращался домой, вдыхая пряные ароматы кельнской весны, которая всегда обрушивается на город неожиданно, без малейшей предварительной подготовки. Тепло приходит как-то сразу. Первые солнечные лучи пробуждают от зимней спячки кусты форзиции. Их незамысловатые соцветия вспыхивают ярко-жёлтой охрой на бесстыдно голых ветвях. В аккуратно причёсанных палисадниках трава переливается сочной изумрудной зеленью, сквозь которую весело пробиваются белоснежные подснежники и лиловые крокусы. Всё дышит прозрачной свежестью и радует глаз. На улицы выкатываются кабриолеты, у которых в прямом и переносном смысле сносит крыши, а молодёжь мгновенно переодевается в летнюю одежку. Мальчики раздеваются до шорт и теннисок, а девочки в коротких топиках сверкают лаковыми животиками с украшенными пирсингом пупками и яркими татуировками на поясницах. Жизнь пробуждается, а это радует.

Придя домой, как обычно, обсуждаем с женой события прошедшего дня (события – это конечно же громко сказано...) и, если не находится ничего, что могло бы породить слишком пылкое обсуждение, усаживаемся каждый за свой компьютер (на то он и персональный). Обычно, я начинаю с просмотра почты. В тот день среди вороха малоинтересных сообщений, многочисленных пересылок и просто спама я обнаруживаю письмо от заведующей Форумом им. Льва Копелева Валерии Хан, с которой меня давно связывают тёплые приятельские отношения. Вот это письмо.

Дорогой Валерий!

Я это письмо не открывала, перебрасываю его сразу Вам.

К сопроводительной части скрепкой пристёгнуто другое письмо.

Привожу раздел письма, имеющий отношение к описываемым событиям, без какой-либо корректировки.

55 лет я ищу Золотаревских. Помогите пожалуйста найти контакт.

55 Jahre alt Ich suche Zolotarevskaya.

Hilfe finden Sie einen Kontakt bitte.

А в конце письма стандартное сообщение от кого. Захар Герчик. Я застыл в недоумении. Фамилия Герчик мне ни о чём не говорила, кроме как о том, что в далёком прошлом была довольно известная детский композитор – Вера Герчик. А кто такой этот Захар Герчик? Какова причина могла заставить этого человека в течение 55 лет героически разыскивать семью Золотаревских? И наконец, те ли мы Золотаревские, о которых пишет этот загадочный Захар? Но у меня уже был его электронный адрес и я решил незамедлительно ответить.

Здравствуйте!

Я Золотаревский Валерий, 1939 года рождения. В прошлой жизни жил, учился и работал в Киеве. Не знаю, тот ли я, кого Вы ищете.

Буду ждать ответа. ВЗ.

Уже на следующий день я получил по скайпу предложение о поддержании контакта с Захаром Герчиком, что тотчас же подтвердил согласием. Список моих контактов пополнился загадочным незнакомцем. Это дало мне возможность заглянуть в профиль контакта и выяснить, что Захар израильтянин, 78-и лет с хвостиком, как он сам написал в своём профиле, живёт на севере Израиля в провинции Галилея в городке Нацрат Иллит.

Час спустя мой скайп ожил, и я увидел на экране компьютера пожилого еврея приятной внешности, плотного телосложения, в белой майке и подтяжках, глубоко врезавшихся в немолодые плечи. Надо полагать, его взору предстало аналогичное зрелище.

Начал Захар, как говорится, с места в карьер. Он сообщил, что в 1974 году ушла из жизни его тёща – Лия Наумовна Заходер. По его словам она пронесла через всю жизнь в своём сердце благодарность Любви Борисовне Львов и Якову Мойсеевичу Золотаревскому, которые в трудные годы приютили её в своём доме. Радостно захлопотало сердце. Ведь речь шла о родителях папы - моих бабушке и дедушке. Я почувствовал себя в машине времени, бумерангом забросившей меня на сто лет назад. Я продолжал слушать своего собеседника со всё возрастающим интересом. Для усиления интриги он через чат скайпа отправил мне фото, где были запечатлены две молодые девицы и двое мальчишек, в которых я сразу узнал папу и его старшего брата – дядю Шуру. Сидящая слева красавица оказалась будущей тёщей Захара. Растрогавшись, я попросил его подробно поведать о себе и обстоятельствах, при которых его будущая тёща попала к моим бабушке и дедушке.

Фото

Рассказывал Захар с видимым удовольствием, но порой сумбурно и даже путано. Однако я решил в дальнейшем по возможности придерживаться канвы его повествования. В 2005 году они с женой приехали к детям в Израиль и поселились в небольшом городке Нацрат Иллит. Тут Захар сделал короткое отступление, с гордостью поведав, что в одном из храмов города находится могила ветхозаветного пророка Ионы. Здесь когда-то располагалась библейская деревушка Гафхефер, где по преданию и родился Иона. С этим бедолагой связана трогательная легенда. Во время сильнейшего шторма Иона был выброшен в море, где его с наслаждением проглотил кит. Три дня и три ночи во чреве китовом Иона замаливал свои грехи, и в конце концов был прощён. Ненасытной рыбине ничего не оставалось, как отрыгнуть будущего пророка на берег к великому изумлению местных жителей.

Дальше Захар продолжал рассказывать о своей жизни. Делал он это, как я уже говорил, охотно, подробно отвечая на все мои осторожные вопросы. Его биография не отличалась никакими заметными взлётами или падениями. Голодное военное детство, учёба в школе через пень колоду и пять лет службы на флоте, где получив специальность радио-телеметриста, даже участвовал в

запусках ракет. После завершения службы вернулся в Харьков и работал настройщиком аппаратуры на релейном заводе.

В 1961 году он познакомился с очаровательной девушкой – Леной Ципарухой, которая вскоре стала его женой. Так в жизни Захара появилась и тёща – Лия Наумовна. Точнее, в жизни Лии Наумовны появился зять – Захар, пришедший в дом, как говорят в Украине, в приимы.

Однако, пожалуй, имеет смысл обратиться к началу истории. А началось это в городе Черкассы. В конце XIX века население города Черкассы, бывшего казачьего поселения, насчитывало около 30 тысяч человек (сегодня – 300 тысяч). Причём по национальному составу больше трети составляли украинцы, треть была за евреями, а оставшийся люд принадлежал разным прочим этническим группам. Город, расположенный на живописных берегах Днепра, имел строгую планировку и был застроен, главным образом, одно- и двухэтажными деревянными и каменными домами.

Фото города

На улице Крещатик находилось фотоателье моих дедушки и бабушки, которые смолоду овладели этой модной тогда профессией. Фотостудия Львув - Золотаревского пользовалась в городе большой популярностью, да и сохранившиеся снимки говорят о высоком мастерстве и изысканном вкусе фотографов.

Семейные предания сохранили любопытный эпизод. Однажды Николай II, едучи в Европу, сделал остановку в Черкассах и зашёл по совету местного градоначальника сфотографироваться в фотоателье Львув-Золотаревского. Они, разумеется, очень переположились, но, как видно, всё сложилось удачно, потому что клиент остался доволен фотосессией и щедро отблагодарил. С тех

пор фотография Императора в качестве наилучшей пиар-акции была повешена прямо напротив входа в студию. Отныне клиенты получали свои фотографии на роскошных паспарту с изысканными виньетками и персональным гербом, в центре которого красовался горделивый вензель «ЛЗ», увенчанный царской короной.

В соседнем с ателье доме жили приятели бабушки и дедушки семья Заходеров. Лия Заходер родилась в 1898 году. Её появление на свет совпало с трагическим уходом из жизни матери во время родов. Отец – Наум Исаакович Заходер работал на «Черкасском механическом заводе», где в начале нового столетия в рабочей среде стали нарастать революционные настроения. Наум Исаакович много времени уделял посещению рабочих революционных кружков и чтению запрещённой литературы. Заботы о дочке взяла на себя бабушка, которая разговаривала с девочкой, разумеется, на идиш. Лия росла, окружённая бабушкиной любовью и заботой, но стоило папе вечером переступить порог, как девочка радостно бросалась ему на шею, а бабушка уходила на второй план.

Пришёл 1905 год. Революционные события потерпели ощутимое фиаско. Наум Исаакович, спасаясь от неминуемого ареста, вместе с дочкой уехал сперва в Швейцарию, а затем уже обосновался в Германии. Там он встречался с видными социал-демократами, принимал активное участие в работе кружков, где и познакомился с молодой немкой еврейского происхождения. Вскоре они стали мужем и женой. Лия успешно училась в одной из берлинских школ, с лёгкостью осваивая немецкий язык. Она свободно говорила на немецком и на идиш. Прошли годы и девочка превратилась в юную особу с твёрдым характером и острой потребностью к свободе и самостоятельности. Отношения с мачехой необратимо ухудшились. В это время в Европе явственно запахло войной, и Наум Исаакович решил отправить дочку назад в Черкассы. Он написал письмо Любви Борисовне (моей бабушке) с просьбой приехать в Берлин и забрать Лию. Интересно, что он с этой просьбой не обратился к двум своим вполне благополучным сёстрам. В начале 1914 года бабушка Люба заехала за девочкой и не без приключений перевезла её через границу.

На фотографии, о которой шла речь вначале, запечатлён момент их прибытия в Черкассы. На ней шестнадцатилетняя Лия, десятилетний дядя Шура, восьмилетний папа и неопознанная девица.

Лия с большой охотой училась фотоделу, что в конечном счёте стало главным делом всей её жизни. А бабушка с удовольствием делилась с девочкой секретами мастерства. В 1920 году Лия выходит замуж. Её мужем стал черкашанин Лев Ципаруха – человек неуёмной энергии, требующей выхода в пёстрой веренице жизненных планов. Спустя год у них рождается первенец – Зиновий, названный так в память о дедушке по отцовской линии. Зиновий погиб в 1944 году на территории Германии. Его имя вписано в книгу памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом, находящуюся в музее Яд Вашем.

В августе 1924 года постановлением Президиума ЦИКа с целью привлечения еврейского населения Советской России к производительному труду (хороша формулировка!) был создан Комитет по земельному устройству

еврейских трудящихся. Лев и Лия восприняли это как сигнал к действию и переехали из Черкасс на территорию будущей еврейской автономной области. Спустя два года они уже трудятся в Хабаровске. Лия занимается фотографией, а Лев становится заготовителем по области и достаточно быстро достигает ощутимых успехов на этом поприще. Вообще, он относился к людям, которые умели делать деньги из воздуха. Во второй половине 30-х годов Лев Ципаруха оказался в кругу доверенных лиц маршала Блюхера. В 1937 году у Лии и Льва родилась девочка – Лена. Вскоре над Блюхером и его окружением стали сгущаться тучи. Ципарухи всей семьёй снялись с места и в 1938 году переехали в окрестности Воронежа, откуда они планировали перебраться в Харьков, где жили сёстры Льва. Переезд состоялся уже через год, но достаточно необычным способом. Они погрузили весь свой скарб на телегу, запряжённую коровой, и, переправившись через Дон, благополучно добрались до Харькова, преодолев за неделю пути расстояние свыше 300 км. В 1941 году Лев Ципаруха уходит добровольцем на фронт, откуда уже не возвращается, уйдя в вечность среди пропавших без вести.

Военные и первые послевоенные годы прошли, как у большинства семейств, находящихся на оккупированной территории или в эвакуации. Голод, нищета, разруха во всём. Однако постепенно жизнь налаживалась, люди работали, учились, любили, растили детей и, наконец, просто наслаждались мирной жизнью.

Лия Наумовна, оставшись без мужа, всю свою жизнь посвятила воспитанию дочери. Леночка как-то очень быстро, незаметно для окружающих, превратилась в юную красавицу, излучающую душевное тепло и внутренний свет. Уже будучи на последнем курсе института, она познакомилась с моим новым знакомцем – Захаром Герчиком.

В 1961 году они стали мужем и женой. К тому времени Захар разочаровывался в прелестях заводской жизни. Больше всего его раздражали вертушка на проходной, определяющая строгую режимность, и маленькая зарплата настройщика релейной аппаратуры. Параллельно он осваивает смежные профессии. К началу 70-х он уже прекрасно шьёт обувь и разъезжает по окрестным сёлам, фотографируя всех желающих. Эта, как бы сейчас назвали, индивидуальная предпринимательская деятельность позволяла семье безбедно жить. К тому времени у Елены и Захара росли, широко раскрыв рты, двое сыновей. Сыновья быстро стали на ноги, и в условиях обвалившихся на головы людей малопонятных лозунгов об «ускорении» и «перестройке» с головой окунулись в бизнес. Однако дела не заладились, и братья оказались на мели. Родителям ничего не оставалось, как продать квартиру в Харькове, и отдать сыновний долг, увеличивающийся с каждым днём в геометрической прогрессии.

В 1989 году Заходеры покупают дом и участок земли в селе Шутовка в 40 км. от Харькова. Это была хата-мазанка, построенная сто лет назад местным зажиточным крестьянином, с глинобитным полом и четырёхскатной соломенной кровлей. Но главной достопримечательностью этого дома была огромная печь с полатями, на которых свободно могли разместиться четыре

человека. Большой участок земли позволил семье перейти практически на натуральное ведение хозяйства. Перед домом благоухал фруктовый сад, окаймлённый изгородью кустов малины, смородины и поречки. В хозяйственной части хаты мирно уживались козы и куры. Соседи доброжелательно приняли городскую семью, тем более, что Захар охотно принимал заказы на ремонт различной обуви и устраивал фотосессии во время всех семейных и сельских праздников.

Но эта сельская идиллия тоже продлилась недолго. Возможность, как это тогда говорилось, лицам еврейской национальности, покинуть страну незаметно превращалась в программу действий. В 1999 году Захар и Лена уезжают на ПМЖ в Германию, где существующая там система социального обеспечения гарантировала им благополучную старость, а сыновья год спустя перебрались в Израиль. Там они рассчитывали успешно начать новую жизнь с чистого листа. Но реальность оказалась не такой безоблачной. Выяснилось, что жильё в Израиле стоит очень дорого и даже пресловутой мошканты (ипотечной ссуды) оказалось недостаточно, чтобы купить собственные квартиры. Поэтому сыновья со своими семьями вынуждены были пойти в дешёвые съёмные квартиры, расположенные в отдалённых районах города. Работы по специальности тоже не удалось найти. Пришлось довольствоваться заработками, полученными при выполнении малоквалифицированной работы. Но мысли о собственном жильё не давали покоя, и дети стали забрасывать родителей манящими письмами, в которых красочно расписывалась райская жизнь в Израиле. В ход шли любые доводы, вплоть до соображений о долге перед исторической родиной. Как бы там ни было, но родители в 2005 году переезжают в Израиль. Мошканта, которую получили старшие Герчики пригодилась для приобретения младшим сыном собственной квартиры. А спустя какое-то время Лена и Захар всякими правдами, скорее неправдами, получили государственную жилплощадь в небольшом городке Нацрат Иллит.

Они стали жить в этой израильской провинции почти патриархальной жизнью. На социальное пособие (афтахат ахнаса) они умудрялись довольно благополучно существовать и даже ещё, как всегда, помогать своим великовозрастным детям. Неспешно шли годы, но в 2014 году уходит из жизни Лена, и Захар остаётся один. Потеря любимой жены лишает смысла самую жизнь. Днём Захар не находит себе места, но самая страшное – предстоящая ночь. Спасает лишь компьютер, который Захар легко освоил, невзирая на свой преклонный возраст. Так перебирая нити Всемирной Сети он и натолкнулся на сообщение о том, что в Кёльне в Форуме Копелева состоялась презентация книги Валерия Золотаревского «Золотые россыпи Кёльна». Реанимировалось в памяти предсмертное пожелание тёщи. Захар с трудом отыскал в заброшенных фотоальбомах заветную старую фотографию. Так началась эта история...

Кёльн, 2015